

БИЛИНГВИЗМ В КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЙ ПРОЕКЦИИ: ФЕНОМЕН ОТКРЫТОГО МЫШЛЕНИЯ

М. А. МОЖЕЙКО¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет культуры и искусств,
ул. Рабкоровская, 17, 220007, г. Минск, Беларусь

Рассматривается билингвизм как феномен культуры в контексте языкового контакта. Проводится сравнительный анализ феноменов билингвизма и бикультурности. Показано, что, создавая предпосылки к бикультурности субъекта, билингвизм тем не менее никак ее не обеспечивает. Показана функция выбора языка как выбора социальных ролей, который открывается для билингвального субъекта. Обоснована ведущая роль языкового выбора в контексте коммуникативной адаптации. Рассматриваются социальные, социально-психологические и окказионально-ситуативные критерии языкового выбора. Моделируются адаптационные стратегии речевого поведения в коммуникативной ситуации. Показана значимость баланса между языковой и этнической идентичностью субъекта, с одной стороны, и его желанием соответствовать языковым ожиданиям собеседника, с другой. Обоснована роль билингвизма как фактора акцентированности рефлексии над языком. Показано, что в билингвальном контексте проблемы развития языка выходят за границы лингвистики и становятся предметом широких социальных дискуссий. Выявлена роль двуязычия в литературном творчестве, показано значение использования лексики второго языка как инструмента обогащения художественной выразительности. Доказано, что, чем больше языков в прикладном тезаурусе субъекта, тем богаче эмоциональная палитра его восприятия мира. Выявляется потенциал языка в отношении не только выражения, но и отражения эмоций, что расширяет диапазон рефлексивного осмысления эмоциональной сферы. На материале текстов поэтической культуры Беларуси обосновывается расширение спектра экспрессивных возможностей билингвального субъекта и демонстрируется его значимость для развития художественной культуры. Выявляется специфика мышления билингвального субъекта. Обосновывается вывод о том, что фрагмент реальности в той или иной языковой проекции может восприниматься и осмысливаться по-иному, обеспечивая субъекту больший диапазон адаптации. Тем самым картина мира билингвального субъекта оказывается более полиаспектной и пластичной. Показано, что открытая для билингвального субъекта возможность переключения языкового кода позволяет апеллировать к ценностям обеих стоящих за языками культур. Мышление билингвального субъекта оказывается открытым в отношении более чем одного варианта восприятия действительности, что обеспечивает не только богатство данного восприятия, но и расширение диапазона понимания. Такое открытое мышление означает и расширение возможностей взаимопонимания в кросс-культурном диалоге, что обуславливает эффективность межличностных коммуникаций и успешность международных взаимодействий.

Ключевые слова: языковой контакт; билингвизм; бикультурность; выбор языка; коммуникативная адаптация; идентичность; речевое поведение; речевая стратегия; потенциал билингвизма; открытое мышление.

Образец цитирования:

Можейко МА. Билингвизм в культурологической проекции: феномен открытого мышления. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2022;3:81–91.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2022-3-81-91>

For citation:

Mojeiko MA. Bilingualism in culturological projection: the phenomenon of open thinking. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2022;3:81–91. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2022-3-81-91>

Автор:

Марина Александровна Можейко – доктор философских наук, профессор; профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин факультета информационно-документных коммуникаций.

Author:

Marina A. Mojeiko, doctor of science (philosophy), full professor; professor at the department of social and humanitarian disciplines, faculty of information and document communications.
marina-mojeiko@yandex.by

BILINGUALISM IN CULTUROLOGICAL PROJECTION: THE PHENOMENON OF OPEN THINKING

M. A. MOJEIKO^a

^a*Belarusian State University of Culture and Arts,
17 Rabkorawska Street, Minsk 220007, Belarus*

Bilingualism is considered as a phenomenon of culture in the context of language contact. A comparative analysis of the phenomena of bilingualism and biculturalism is carried out. It is shown that, while creating prerequisites for the biculturalism of the subject, bilingualism, however, does not provide it. The function of choosing a language as a choice of social roles, which opens up for a bilingual subject, is shown. The leading role of language choice in the context of communicative adaptation is substantiated. The criteria of language choice are considered: social, socio-psychological and occasional-situational. Adaptive strategies are modelled in relation to speech behaviour in a communicative situation. The significance of the balance between the linguistic and ethnic identity of the subject, on the one hand, and his desire to meet the linguistic expectations of the interlocutor, on the other, is shown. The role of bilingualism as a factor in the emphasis of reflection on language is substantiated. It is shown that in a bilingual context the problems of language development go beyond boundaries of linguistics and become a subject of wide social discussions. The role of bilingualism in literary creativity is revealed, the value of using lexemes of the second language as a tool for enriching artistic expressiveness is shown. It is proved that the more languages in the applied thesaurus of the subject, the richer the emotional palette of his perception of the world. The potential of the language is revealed in relation to not only expressing, but also reflecting emotions, which expands the range of reflexive comprehension of the emotional sphere. On the material of the texts of poetic culture in Belarus, the expansion of the range of expressive possibilities of bilingual subject is substantiated and its significance for the development of artistic culture is demonstrated. The specificity of bilingual subject's thinking is revealed. Firstly, it is substantiated that in different linguistic projections, a particular fragment of reality can not only turn with its different facets, but in general be configured in a different way, expanding the interpretive potential of the subject and his cognitive capabilities. Thus, the picture of the world of a bilingual subject turns out to be more multidimensional and more plastic. Secondly, it is shown that the possibility of switching the language code, open to a bilingual subject, entails the possibility of appealing to the values of both cultures behind the languages. The thinking of a bilingual subject turns out to be open in relation to more than one option for perceiving reality, which provides not only a richness of perception, but also an expansion of the range of understanding. Such open thinking also means expanding the possibilities of mutual understanding in cross-cultural dialogue, which ensures the effectiveness of both interpersonal communications and the success of international interactions.

Keywords: language contact; bilingualism; biculturalism; language choice; communicative adaptation; identity; speech behaviour; speech strategy; potential of bilingualism; open thinking.

Феномен языкового контакта: культурный контекст

Феномен контакта языков сопровождает всю историю человечества. Как пишет И. А. Бодуэн де Куртэнэ, «...народы и племена жили и живут в непосредственном соседстве или же вперемешку. <...> Кочевая жизнь, военные походы и военная служба вообще, похищение женщин и рабов у враждебных племен, затем торговля, научный обмен и т. д. – все это факторы, способствующие смешению языков»¹ [1, с. 364].

Вяч. Вс. Иванов трактует языковой контакт в узком смысле, как «взаимодействие двух или более языков, оказывающее влияние на структуру и словарь одного или многих из них» [2]. С. Дж. Томасон рассматривает языковой контакт в широком смысле. По оценке исследователя, такой контакт предполагает взаимное влияние всех языков, которое как максимум может оказаться для каждого из них судьбоносным и как минимум не может пройти бесследно [3, р. 15–18].

Важно, как отмечает У. Вайнрайх, что «языковой контакт можно лучше всего понять только в широком психологическом и социокультурном контексте» [4, с. 26]. В силу этого «ошибкой многих ученых, занимавшихся проблемой двуязычия, было стремление изучать этот процесс исключительно в отношении двуязычного индивида, не обращая внимания на общественные условия возникновения и существования двуязычия в данном коллективе» [5, с. 6].

Сегодня можно говорить о высоком уровне концептуализации этого проблемного поля и сформированности таких направлений исследования, как контактная лингвистика и билингвология [4; 6; 7].

Разумеется, языковой контакт возможен в контексте контакта культур и кросс-культурного взаимодействия. В свете этого У. Вайнрайх полагает: «...случаи поразительного единообразия в области культуры в условиях пестрого разнообразия языков служат доказательством того, что общение может

¹От похищения женщин до научных контактов – вот это широта охвата! Масштабно мыслил классик.

преодолевать и действительно преодолевает языковые границы. Оно оказывается возможным благодаря посредству многоязычных носителей» [8, с. 25]. На взгляд У. Вайнрайха, можно было бы ожидать, что языковое разнообразие и разнообразие культурных традиций «находятся в прямой зависимости друг от

друга, однако в действительности они оказываются независимыми» [8, с. 25].

Это закономерно вызывает вопросы о том, что значит быть носителем двух языков и двух культур и как соотносятся между собой такие явления, как билингвизм и бикультурность.

Билингвизм vs бикультурность

Одним из важнейших вопросов в отношении двуязычия является соотношение таких феноменов, как билингвизм и бикультурность [9, р. 20–37; 10, р. 7–21].

Безусловно, владение вторым языком в определенной мере открывает окно в мир другой культуры (неспроста все языковые курсы предполагают и страноведческий компонент), но далеко не всегда (точнее, крайне редко) проникновение в эту культуру столь же глубоко, как в свою. Иными словами, бикультурность нельзя рассматривать лишь как двойную культурную принадлежность. Дж. Соффетти полагает, что соотношение билингвизма и бикультурности не является простым и одно из другого не вытекает [11, р. 222–223]. Он моделирует четыре варианта соотношения культуры и языка в системе отсчета индивида: 1) двойная культура при двуязычии; 2) двойная культура при одноязычии; 3) монокультура при двуязычии; 4) монокультура при одноязычии [11, р. 223–227].

Разумеется, есть существенная разница между человеком, который осваивает два языка, будучи изначально (с рождения) погруженным в кросс-культурную среду, и человеком, который изучает второй язык в рамках специально организованного образовательного процесса: «...человек, изучающий иностранный язык в обстановке единой культуры, вовсе не обязательно усвоит полностью новую систему культурных моделей»² [11, р. 225], какое бы внимание он ни уделял страноведению.

Э. Хауген справедливо утверждает: «...хотя допущение, что степень двуязычия прямо пропорциональна степени бикультурализма, выглядит очень заманчиво, однако оно пока что не подтверждается имеющимися данными», потому «точно так же, как двуязычный носитель может владеть менее чем дву-

мя целыми языковыми системами, носитель двойной культуры может владеть менее чем двумя целыми культурами» [12, с. 64]. Кроме того, Дж. Соффетти отмечает, что «точно так же, как бывают языковые акценты, бывают и акценты в отношении культуры, являющиеся следствием... сталкивающихся моделей поведения, и от них бывает так же трудно (или нежелательно) избавиться, как и от языковых акцентов» [11, р. 225].

По определению Ф. Грожана на практике понятие «бикультурный билингв» означает, что бикультурный субъект билингвален, в то время как билингвальный не обязательно является бикультурным [13, р. 20–37]. Хотя, разумеется, нельзя отрицать, что билингвизм не просто открывает возможность проникнуть в смыслы иной культуры, но и делает это проникновение менее поверхностным.

Однако, если речь идет о естественном билингвизме, когда ребенок с детства погружен в оба языка, а его социализация протекает в изначально двуязычной культурной среде, ситуация конфигурируется по-другому: в каждой конкретной семье это происходит по-разному, но вполне допустима ситуация, при которой можно говорить о двух родных языках. Конфигурации сочетаний принадлежности к языку и культуре тоже бывают разными. Например, отец М. А. Богдановича писал в своих воспоминаниях о сыне: «...у сям'і гаварылі па-руску, але звычаі, захапленні, прывычкі ў аснове сваёй былі беларускія» [цит. по 14, с. 65]. В этой среде вырос белорусскоязычный поэт с тонким чувством языка и столь же тонким ощущением европейской культуры в целом. Так, оценивая свое творчество начала 1910-х гг., он отмечал: «...дбаў аб развіцці верша і даў колькі “нанізаў” іх (цыклаў)», в том числе «ў старафранцузскіх формах» [15, с. 130].

Выбор языка как выбор социальной роли

Ключевым моментом реализации коммуникативного потенциала билингва является выбор языка. Такой выбор актуален и для монолингва (например, между стилями речи), но для билингва веер выбора расширяется не только в количественном, но и в качественном отношении: речь идет о выборе между различными языками, за каждым из которых – история, культурная традиция, по-

литический контекст, религиозные коннотации и многое другое.

Акт выбора языка может быть рассмотрен в контексте теории организации повседневного опыта. И. Гофман полагает, что коммуникация осуществляется в контексте различных фреймов (рам), конструирование и рекомбинация которых задает гештальт повседневности, переход от фрейма

²Здесь и далее перевод наш. – М. М.

к фрейму предполагает как различные речевые практики, так и различные интерпретации последних [16].

Важно, что в реальности выбор языка осуществляется ситуативно, практически молниеносно и далеко не всегда рефлексивно осознанно. Говорящий может не отдавать себе в этом отчета, но в выборе языка наложены друг на друга многие детерминационные процессы. В процедуре выбора языка играет роль социальный контекст, в котором тот или иной язык будет эффективнее и потому предпочтительнее, нежели другой [17, р. 397–421], а также социально-психологические мотивации говорящего, которые могут заставить его выбрать или язык, на котором он говорит лучше и при этом выглядит увереннее, или язык, соответствующий ожиданиям слушателей и позволяющий вызвать желаемую реакцию, или язык, который в той или иной ситуации позволит ему произвести нужное впечатление³ [18].

Ф. К. Вок трактует языковые формы как культурные формы *par excellence*. «Социальные роли также образуют некий подкласс культурных форм», а учет их связи необходим для «адекватного описания структуры какого-либо языка» [20, с. 383–384], причем эти роли варьируются в гендерном и возрастном регистрах⁴ [21, р. 1–16].

В теории коммуникативной адаптации, разработанной Г. Джайлсом и его последователями, раскрыт механизм процедуры выбора языка [26, р. 121; 27, р. 265–267; 28, р. 293–310; 29, р. 270–283]. Поскольку процесс речевого общения основан на глубинной «связи между языком, контекстом и идентичностью» [26, р. 121], постольку коммуникация всегда вписана в объективные и субъективные параметры ситуации говорения. В. Б. Гюдайкюнст относит к этим параметрам «социально-психологическое состояние» коммуникантов, их «целевые установки» и мотивы участников (как декларируемые, так и скрытые), избранные ими «социолингвистические стратегии» и «тактики поведения», а также демонстрируемые «маркировку и атрибуцию» [30, р. 171–174].

Это значит, что в каждом конкретном случае говорящий корректирует свое речевое поведение,

адаптируя его, с одной стороны, к социальному контексту, т. е. к конкретной ситуации, ожиданиям и речевому поведению коммуниканта, а с другой – к той грани своей идентичности, которая наиболее важна для него в данный момент. Как показывает М. Мюс на материале кушитского языка и языка банту, это касается и этнической, и групповой (во всем ее многообразии) идентичности [31]. Выбором речевой стратегии коммуникативные партнеры анализируют о своем отношении как друг к другу, так и к контексту, дают понять свои установки и воспринять культивируемую идентичность⁵.

Таким образом, коммуникация – это не только процесс обмена информацией о фактах, идеях и эмоциях (часто называемых ссылочными сообщениями), но и существенная социальная категория, на нее «влияют не только особенности текущей ситуации и первоначальные ориентации участников, но и социально-исторический контекст, в который встроено взаимодействие» [28, р. 294]. Например, в официальной ситуации человек может давать ответы на вопросы, культивируя американское произношение (даже если для него естественно британское), чтобы показать, что «он больше не является недавним иммигрантом в Соединенных Штатах, он теперь полноценный американский гражданин, который принял многие американские идеалы» [28, р. 294].

К. Геллоу, Т. Огей и Г. Джайлз полагают возможными три адаптационные стратегии в коммуникативной ситуации (и, соответственно, три возможные траектории ее развития): 1) конвергенция, при которой «люди адаптируют свое коммуникативное (речевое. – М. М.) поведение таким образом, чтобы оно стало более похожим на поведение их собеседников»; 2) дивергенция, при которой говорящий сохраняет свой «оригинальный стиль независимо от коммуникационного поведения собеседника» и которая, как правило, приводит говорящего «к усилению различий между собой и другим»; 3) центральная (мы бы воспользовались термином восточной культуры «серединная» в его глубинном позитивно-оценочном смысле) стратегия, при которой говорящий «корректирует свою речь, приспособляя ее для создания и поддержания

³Хотя, как справедливо отмечает К. Р. Беккер, методики, позволяющей исчерпывающе точно и однозначно определить психолингвистические мотивации перехода с языка на язык, практически не существует [19, р. 30].

⁴Как остроумно подметила С. Гэл, гендерная «дифференциация речи должна происходить всякий раз, когда имеет место социальное разделение между ролями мужчин и женщин, т. е. универсально» [21, р. 1]. Вопросы презентации гендерной идентичности в языке рассматриваются сегодня достаточно интенсивно [22, с. 52–58], даже возник термин «гендерлект» (наряду с терминами «диалект» и «социолект») [23, р. 133–134]. И. Игартуа, сравнивая глубину презентации гендерной идентичности в славянских языках, выделяет восточнославянские языки как наиболее инструментальные в этом плане: «...восточнославянские языки (русский, белорусский и украинский) – системы, которые в наибольшей степени расширили фактор живого субгендера при склонении существительного; в некоторых других языках (например, в чешском) иные черты» [24, р. 71]. В. Горбацкий говорит даже о феминизации (в грамматическом отношении) современного белорусского языка [25].

⁵Согласно теории коммуникативной адаптации важную роль играют и невербальные факторы коммуникации – мимика, жесты, положение тела и т. д. [26, р. 121–148].

своих личной и социальной идентичностей как позитивных» [26, р. 123].

Таким образом, социальное взаимодействие представляет собой тонкий баланс между потребностями в социальной адаптации (интеграции), с одной стороны, и потребностями сохранения собственной идентичности (дифференциации), с другой. Это значит, что выбор языка может меняться не только от ситуации к ситуации, но и внутри таковой

в зависимости от акцентированной идентичности и выбранной коммуникативно-речевой стратегии.

Для билингва ситуация выбора открывает большие возможности и создает большие сложности, поскольку речь идет не о выборе между стилями речи, а о выборе между различными национальными языками, что предполагает более богатый и сложный социальный контекст и более острую акцентуацию персональной, в частности национальной, идентичности.

Культурный потенциал билингвизма: диапазон восприятия и креативность

В начале XXI в. в литературе, посвященной феномену билингвизма, на передний план вышли вопросы, связанные с особенностями и возможностями билингвального субъекта и, соответственно, его ролью в социально-культурном процессе. В этом контексте Дж. Эдвардсом введено понятие *the importance of being bilingual* 'важность быть билингвом' [17], причем оно трактуется в широком социокультурном измерении: в центре внимания оказываются не только (и даже не столько) преимущества двуязычного субъекта в масштабе его социальной адаптации, сколько значимость самого феномена билингвов для социокультурного процесса в целом.

Однако разговор об этом следует предварить существенной оговоркой: речь идет о феномене двуязычия как таковом, о его социокультурном потенциале, который, будучи атрибутивным для билингва, тем не менее может по-разному проявить себя в зависимости от условий. С одной стороны, возможности билингвов в полной мере могут быть востребованы и реализованы только в благополучных языковых ситуациях, с другой – именно в последних потенциал билингвов выступает фактором позитивной реализации культурного процесса.

Несбалансированная языковая ситуация создает такое соотношение языков в рамках двуязычия, которое не только задает остроту языковому вопросу, но и провоцирует социальное напряжение, которое может выходить далеко за рамки проблем языковой политики. Не забывая об этом, можно поставить вопрос о культурном потенциале билингвизма как такового вне политики. Он может быть оценен в различных аспектах. Так, например, установлено, что язык не только выражает, но и отражает эмоции, позволяет их понять и объяснить, и важно, на каком именно языке они описываются [32, р. 1–23; 33, р. 11].

Ф. Грожан полагает, что переход с одного языка на другой в зависимости от ситуации предполагает изменение не только социальных ролей, но и «эмоциональных установок» [34, р. 49]. Среди моноязычных и билингвов проводились сравнительные исследования феномена восприятия (например,

Б. Байном и А. Йю применительно как к учащимся подросткам, так и к работающим взрослым), наглядно продемонстрировавшие преимущества билингвов [35, р. 110–134]. Дж. Эдвардс отмечает, что билингвизм отчетливо коррелирует с возрастанием диапазона восприятия, «усиливает осознание себя в контексте культуры» [17, р. 28].

В этом контексте правомерен вывод о том, что не только многообразие дискурсивных практик, но и яркость эмоциональной окрашенности мировосприятия связана с вариативностью повседневного использования языка. Чем больше языков в прикладном тезаурусе субъекта, тем богаче эмоциональная палитра его восприятия мира. Как формулирует П. Резник, «много языков – много чувств» [33, р. 11].

В ситуации билингвизма расширяется также диапазон экспрессивных возможностей и способов выражения (отражения) эмоций. Особенно ярко это проявляется в художественной литературе. Примером может служить поэзия А. Ю. Аврутина, русскоязычного белорусского поэта, который использует белорусскую лексику для передачи эмоциональных оттенков. Например, тоскуя об ушедших друзьях-белорусах, он обращается к ним на их языке. Понимая, что смерть непреодолима, он находит если не утешение, то возможность идти дальше, описывая свою боль на белорусском языке:

Небо нахмурилось, тени струя.
Стежечка в жите.
Где вы?.. В какие уплыли края?
Хлопцы, гукніце!..

А с поднебесья: «Ушедших – не тронь!..» –
Грозно и строго.
Толькі валошка казыча далонь...
Цёмна... Нікога... [36].

Художественные тексты демонстрируют, что человек, волею судеб и естественно для себя живущий в билингвальной культуре, не только ощущает необходимость выразить себя на обоих ее языках, но и усматривает существенную разницу в выражении на них одной и той же мысли. Например,

у А. Ю. Аврутина (при этом не будем забывать, что данный автор все же русскоязычный):

Судьба моя! Мой беспокойный лёс⁶!
Я здесь родился, рос, набрался силы.
Мне белый аист сыновей принес,
Сыноў прынёс мне бусел белакрылы... [37, с. 279].

Как видим, слова, сказанные дважды на разных языках, отнюдь не воспринимаются в качестве повторов, поскольку привносят в текст глубину и нелинейность, отражающие многоплановость судьбы, и тем самым эмоционально обогащают восприятие читателя.

Билингвизм и культурная рефлексия над языком

Спецификой культуры билингвального общества является то обстоятельство, что языковые процессы и феномены выступают предметом рефлексивного осмысления, в то время как монолингвальная языковая ситуация никак не провоцирует эту рефлексию в культуре.

Рефлексия над языковой ситуацией приводит к тому, что те проблемы, которыми обычно занимаются лингвисты, превращаются в языковой вопрос, неизменно находящийся в фокусе внимания общественности и становящийся предметом широких дискуссий.

Например, применительно к белорусской культурной ситуации А. А. Сомин, анализируя комментарии к публикациям в интернет-СМИ, обнаруживает следующее: «...для того чтобы в комментариях к новостной статье обсуждались социолингвистические проблемы, вовсе не обязательно, чтобы исходный материал также был посвящен социолингвистике: иногда достаточно лишь того, чтобы он был написан по-белорусски», т. е. триггером, провоцирующим обсуждение проблем двуязычия, выступает «сам факт

публикации белорусскоязычной статьи» [38, с. 80]. Комментарии «к тематически нейтральным, но написанным по-белорусски статьям» позволяют получить информацию «о языковой рефлексии в ситуации двуязычия» [38, с. 62]. Тот же эффект наблюдается применительно и к русскоязычным публикациям, касающимся общекультурных (не сугубо языковых) вопросов: так, в отношении комментариев к статье К. Лашкевича «Беларусь на пути белорусизации» Н. Б. Мечковская отмечает, что в количественном отношении первое место занимают комментарии, посвященные собственно языку (в том числе выбору языка, что выражается в его оценке вплоть до замечаний и упреков), в то время как комментарии, посвященные собственно статье и высказанным в ней идеям, оказываются на заднем плане [39, с. 262]. По наблюдениям А. А. Сомина, «большая часть комментариев... относится либо к теме, которую можно условно описать как “белорусского языка слишком мало”, либо к теме “белорусского языка слишком много”» [38, с. 69], что, безусловно, говорит о яркой акцентуации данного вопроса.

Открытое мышление: кросс-культурный процесс как диалог полиглотов

Билингвы и полилингвы необычайно важны в истории человечества в контексте кросс-культурных взаимодействий (тем более при цивилизационных контактах), потому что являются мощным фактором обеспечения взаимопонимания. Книга М. Эрарда «Феномен полиглотов» имеет в английском оригинале точное и экспрессивное название *Babel no more*. Если Вавилонская башня не состоялась в силу того, что Бог наложил проклятие многоязычия на людей, желавших доказать свое могущество строительством башни до неба, то сегодня благодаря билингвам и полилингвам такая взаимная «немота» в принципе невозможна [40, с. 20].

Жу Хуа определяет механизм межкультурной коммуникации как язык в действии [41]. С точки

зрения М. Клайна, коммуникации между культурами и языками осуществимы только как «диалог полиглотов» [42, р. 52]. Некоторые эксперты полагают даже, что в настоящий момент «наряду с информационной революцией общество претерпевает языковую революцию, ядром которой являются социально-коммуникативные аспекты билингвизма» [43, с. 386].

К. Майерс-Скоттон полагает, что переключение языкового кода⁷ позволяет билингвам не только взаимодействовать в разговоре возможности двух языков, но и апеллировать к ценностям обеих стоящих за языками культур, что позволяет установить более тесный эмоциональный контакт и достичь более глубокого взаимопонимания [45]. В. Б. Гюдаикюнст отмечает тот факт, что переключение кода позво-

⁶Особенно трогательно, что, выделяя курсивом белорусские лексемы, автор делает это далеко не всегда, так как не воспринимает их как чужеродные.

⁷В основе речевого поведения билингва лежит сложный механизм переключения кода, который не тождествен просто переходу с одного языка на другой, а предполагает возможность параллельного использования каждого в конкретной разговорной ситуации. Переключение кода позволяет применять элементы одного языка (морфемы, слова, словосочетания и предложения) в речевой практике, осуществляемой на другом языке. Важно, что в процессе переключения кодов билингв не нарушает правил ни того, ни другого языка, но создает интегральную конструкцию, где задействованы ресурсы обоих. По оценке Ш. Поплак, «именно эквивалентность ограничений в переключении кода может быть использована как мера степени способности двуязычия» [44, р. 581].

ляет преодолевать различия и тем самым облегчает межличностные и межгрупповые коммуникации [30]. Е. Хеллер усматривает в переключении кода потенциал, позволяющий говорить о его возможной роли в управлении конфликтом [46, р. 77–96]. В этом плане его эффективность может стать основой и служить показателем успешности переговоров [45, р. 151–186] и даже рассматриваться в контексте политико-экономических процессов [47, р. 245–264]. В свете этого Дж. Камминс полагает, что программа современного образования должна строиться на билингвальной основе [48, р. 56–66].

Социокультурный потенциал билингвизма гораздо шире, нежели только возможность переводов, хотя в отношении переводчиков Дж. Эдвардс отмечает, что именно их работа «позволяет преодолевать границы» [17, р. 39]. Дж. Эдвардс указывает также на особое «психологическое состояние индивида, который имеет доступ к более чем одному лингвистическому коду как к средству социальной коммуникации» [34, р. 28–42]. Ряд современных психологов (Дж.-М. Дюваль, Дж. Лэйк, К. Чен, А. М. Падилла) даже вводят понятие позитивной психологии в контексте позитивного двуязычия и бикультурализма [49–51].

Главное свойство сознания билингва – это его пластичность, сформированная (натренированная, выработанная) в процедурах переключения кода. Так, У. Вайнрайх отмечает легкость переключения сознания у билингвов [4, с. 130–131], М. Эрард применяет к полиглотам еще более выразительную формулировку: «...гиперполиглоты – это аватары того, что я называю стремлением к гиперпластичности» [40, с. 24].

Значение имеет не только психологический, но и когнитивный срез этого состояния. Т. Парсонс отмечал: «...смыслы и намерения поступков выражаются в терминах символических систем (включая коды, посредством которых они реализуются в соответствующих образцах); универсальной для всех человеческих обществ символической системой является язык» [52, с. 94]. Тем самым язык участвует в построении индивидуальной картины мира.

Согласно концепции социального конструирования реальности, предложенной П. Бергером и Т. Лукманом, в сложном процессе выстраивания соотношения между реальностью и знанием (равно как и между знанием и реальностью) язык играет не последнюю роль: «...благодаря лингвистической объективации, даже когда я говорю с самим собой в уединенном размышлении, в любой момент весь мир может предстать передо мной» [53, с. 69]. Это значит, что если «лингвистическая объективация» очерчивает (детерминирует) в каждом конкретном случае знание «моей ситуации и ее пределов»

[53, с. 72], то в различных языковых объективациях ситуация может не только поворачиваться различными гранями, но и конфигурироваться по-иному, расширяя интерпретационный потенциал и, соответственно, когнитивные возможности в целом.

Еще Л. В. Щерба, говоря о двуязычии, отмечал, что, «сравнивая детально разные языки, мы разрушаем ту иллюзию, к которой нас приучает знание лишь одного языка, – иллюзию, будто существуют неизблемые понятия, которые одинаковы для всех времен и для всех народов, – в результате получается освобождение мысли из плена слова, из плена языка» [54, с. 316–317]. Е. Биляйсток и К. Хакьюта отмечают открытую для билингва возможность сказать обо всем другими словами [55].

Можно заключить, что билингвальность фактически инспирирует рефлексивное осмысление собственной речевой практики, а с ней – и языковой картины мира, и соотношения ее с реальностью. Фактически это уже постановка основного вопроса философии – о степени адекватности отражения сознанием действительности – в его индивидуальном измерении. Так, говоря о параллельном освоении разных языков, Л. В. Щерба фиксирует то обстоятельство, что «оно приучает к анализу мысли посредством анализа средств выражения» [56, с. 68], потому при смешанном типе двуязычия «самый факт постоянного чередования двух языковых форм все время побуждает к сравнению, а следовательно, и к большему осознанию их значения» [54, с. 315].

Все это позволяет сделать далеко идущие выводы о естественных билингвах, изначально выросших в разноязычном контексте. Нельзя не признать, что для них с детства инструментально валидны нетождественные варианты кодировки познаваемого материала, а значит, и индивидуальной картины мира, складываемой на основе данной информации. Это позволяет увидеть мир по-разному, более объемно и многоаспектно, т. е. более адекватно. Иными словами, билингв более, нежели монолингв, открыт возможности принять вариативность истолкования происходящего, будучи в определенной мере – и психологически, и инструментально – защищенным от односторонней предвзятости.

Это не беспредметно. В. Гумбольдт писал: «В каждом языке заложено самобытное мирозерцание. Как отдельный звук встает между предметом и человеком, так и весь язык в целом выступает между человеком и природой, воздействующей на него изнутри и извне... И каждый язык описывает вокруг народа, которому он принадлежит, круг, откуда человеку дано выйти лишь постольку, поскольку он тут же вступает в круг другого языка» [57, с. 80].

Именно выход в другой круг позволяет посмотреть на мир по-другому – увидеть другой мир, понять мир другого.

Даже выучивание иностранного языка (искусственный билингвизм) К. Ломб расценивает как «путь от непонимания через полупонимание к полному пониманию», являющий собой «для взрослого

человека – волнующий, интересный... маршрут, достойный развитости его духа» [58, с. 176].

И как билингвы-переводчики нужны миру для специально организованных ситуаций, так билингвы естественные самым фактом своего существования выступают одним из факторов толерантной реализации истории.

Библиографические ссылки

1. Бодуэн де Куртэнэ ИА. О смешанном характере всех языков. В: Григорьев ВП, Леонтьев АА, составители. *Избранные труды по общему языкознанию. Том 1*. Москва: Академия наук СССР; 1963. с. 362–372.
2. Иванов ВВ. Контакты языковые. В: Ярцева ВН, редактор. *Лингвистический энциклопедический словарь* [Интернет; процитировано 26 июля 2022 г.]. Доступно по: <http://tapemark.narod.ru/les/237b.html/>.
3. Thomason SG. *Language contact: an introduction*. Edinburgh: Edinburgh University Press; 2001. 320 p.
4. Вайнрайх У. *Языковые контакты. Состояние и проблемы исследования*. Благовещенск: БГК им. И. А. Бодуэна де Куртэнэ; 2000. 264 с.
5. Ярцева ВН. Теория взаимодействия языков и работа У. Вайнрайха «Языковые контакты». В: Вайнрайх У. *Языковые контакты: состояние и проблемы исследования*. Благовещенск: БГК им. И. А. Бодуэна де Куртэнэ; 2000. с. 5–17.
6. Багана Ж, Хапилина ЕВ. *Контактная лингвистика. Взаимодействие языков и билингвизм*. Москва: Флинта; 2016. 126 с.
7. Winford D. *An introduction to contact linguistics*. Bodmin: MPG Books Publishing Ltd.; 2003. 440 p.
8. Вайнрайх У. Одноязычие и многоязычие. В: Розенцвейг БЮ, редактор. *Новое в лингвистике. Выпуск 6. Языковые контакты*. Москва: Прогресс; 1972. с. 25–61.
9. Grosjean F. Bicultural bilinguals. *International Journal of Bilingualism*. 2015;19(5):572–586.
10. House J. What is an «intercultural speaker»? In: Alcón-Soler E, Safont JMP, editors. *Intercultural language use and language learning*. Dordrecht: Springer; 2007. p. 7–21.
11. Soffietti J. Bilingualism and biculturalism. *Journal of Educational Psychology*. 1955;46(4):222–227.
12. Хауген Э. Языковой контакт. В: Розенцвейг БЮ, редактор. *Новое в лингвистике. Выпуск 6. Языковые контакты*. Москва: Прогресс; 1972. с. 61–80.
13. Grosjean F. Living with two languages and two cultures. In: Parasnis I, editor. *Cultural and language diversity. Reflections on the deaf experience*. Cambridge: Cambridge University Press; 1996. p. 20–37.
14. Малажай ГМ, Багдановіч Максім Адамавіч, У: Сачанка БІ, Міхневіч АЯ, рэдактары. *Беларуская мова: энцыклапедыя*. Мінск: Беларуская энцыклапедыя; 1994. с. 65–67.
15. Багдановіч МА. За тры гады. Агляд беларускай краснай пісьменнасці 1911–1913 гг. У: Багдановіч МА. *Збор твораў у двух тамах. Том 2. Лынькоў МЦ, Пшыркоў ЮС, рэдактары*. Мінск: Навука і тэхніка; 1968. с. 128–133.
16. Гофман И. *Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта*. Москва: Институт социологии РАН; 2004. 752 с.
17. Edwards J. The importance of being bilingual. In: Dewaele JM, Housen A, Wei L, editors. *Bilingualism: beyond basic principles. Festschrift in honour of Hugo Baetens Beardsmore*. Clevedon: Multilingual Matters; 2003. p. 28–42.
18. Hamers JF, Blanc M. *Bilinguality and bilingualism*. Cambridge: Cambridge University Press; 1989. 477 p.
19. Becker K. Spanish/English bilingual code switching: a syncretic model. *Bilingual Review*. 1999;22(1):3–31.
20. Вок ФК. Структура общества и структура языка. В: Чемоданов НС, редактор. *Новое в лингвистике. Выпуск 7. Социоллингвистика*. Москва: Прогресс; 1975. с. 382–396.
21. Gal S. Peasant men can't get wives: language change and sex roles in a bilingual community. *Language in Society*. 1978;7(1):1–16.
22. Алпатов ВМ. Как говорят женщины и мужчины. В: *Altaica-2008*. Москва: Институт востоковедения РАН; 2008. с. 52–58.
23. Rose F. The interaction of genderlects with grammatical gender. In: *Book of abstracts of the 48th Annual meeting of the societas linguistica Europaea; 2015 September 2–5; Leiden, Zuid-Holland*. Leiden: Leiden University Centre for Linguistics; 2015. p. 133–134.
24. Igartua I. Feminine animacy in the Slavic languages. In: *Book of abstracts of the 48th Annual meeting of the societas linguistica Europaea; 2015 September 2–5; Leiden, Zuid-Holland. Book of abstracts*. Leiden: Leiden University Centre for Linguistics; 2015. p. 71.
25. Гарбацкі У. *Аб фемінізацыі беларускай мовы: фемінізацыя potina agentis і пэўных іншых катэгорый у сучаснай беларускай мове* [Інтэрнэт]. 2012 [працытавана 25 мая 2022 г.]. Даступна па: <https://www.smashwords.com/extreader/read/251752/2/ab-feminizacyi-belaruskaj-movy-feminizacya-nomina-agentis-i->.
26. Gallois C, Ogay T, Giles H. Communication accommodation theory: a look back and a look ahead. In: Gudykunst WB, editor. *Theorizing about intercultural communication*. Thousand Oaks: SAGE Publications Inc.; 2005. p. 121–148.
27. Giles H. Communication accommodation theory. In: Reis HT, Sprecher S, editors. *Encyclopedia of human relationships. Volume 1*. Los Angeles: SAGE Publications Inc.; 2009. p. 265–267.
28. Giles H, Ogay T. Communication accommodation theory. In: Whaley BB, Samter W, editors. *Explaining communication: contemporary theories and exemplars*. Mahwah: Lawrence Erlbaum; 2007. p. 293–310.
29. Hewstone M, Giles H. Social groups and social stereotypes. In: Coupland N, Jaworski A, editors. *Sociolinguistics: a reader*. New York: St. Martin's Press; 1997. p. 270–283.

30. Gudykunst WB. *Bridging differences: effective intergroup communication*. Thousand Oaks: SAGE Publications Inc.; 2012. 448 p.
31. Mous M. *The making of a mixed language. The case of Ma'a/Mbugu*. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company; 2003. 322 p.
32. Abu-Lughod L, Lutz C. Introduction: emotions, discourse and the politics of everyday life. In: Lutz C, Abu-Lughod L, editors. *Language and the politics of motion*. Cambridge: Cambridge University Press; 1990. p. 1–23.
33. Resnik P. *Multilinguals' verbalisation and perception of emotions*. Bristol: Multilingual Matters; 2018. 298 p.
34. Grosjean F. The bilingual as a person. In: Titone R, editor. *On the bilingual person*. Toronto: Biblioteca di Quaderni d'italianistica; 1989. p. 35–54.
35. Bain B, Yu A. The development of the body percept among working- and middle-class unilinguals and bilinguals. In: Titone R, editor. *On the bilingual person*. Toronto: Biblioteca di Quaderni d'italianistica; 1989. p. 110–134.
36. Аврутин АЮ. *Две сущности бытия. Из новых стихов* [Интернет; процитировано 26 июля 2022 г.]. Доступно по: <https://www.rospisatel.ru/avrutin-novoje4.htm>.
37. Аврутин АЮ. Зеленый край... Щемящие слова... В: Аврутин АЮ. *Наедине с молчанием: книга поэзии*. Минск: Мастацкая літаратура; 2007. 223 с.
38. Сомин АА. Языковая рефлексия в современной Беларуси сквозь призму комментариев в интернет-СМИ. *Вестник РГТУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология*. 2015;1:62–86.
39. Мячкоўская НБ. Народная лінгвістыка ў беларускім інтэрнэце: метамоўная рэфлексія і моўнае самавызначэнне. У: Запрудскі СМ, Цыхун ГА, рэдактары. *Новае слова ў мовазнаўстве: матэрыялы V Міжнароднага кангрэса беларусістаў «Новае слова ў беларусістыцы»*; 20–21 мая 2010 г.; Мінск, Беларусь. Мінск: Четыре четверти; 2012. с. 260–272.
40. Эрард М. *Феномен полиглотов*. Москва: Alpina Business Books; 2013. 384 с.
41. Zhu Hua. *Exploring intercultural communication: language in action*. London: Routledge; 2018. 304 p.
42. Clyne M. Towards a more language-centred approach to plurilingualism. In: Dewaele JM, Housen A, Wei L, editors. *Bilingualism: beyond basic principles. Festschrift in honour of Hugo Baetens Beardsmore*. Clevedon: Multilingual Matters Ltd.; 2003. p. 43–55.
43. Булгарова БА, Брагина МА, Новосёлова НВ, Золотых ЕА. Теоретико-методологические основы классификации и типологизации билингвизма. *Вестник РУДН. Серия: Вопросы образования: языки и специальность*. 2017;14(3):384–392.
44. Poplack S. Sometimes i'll start a sentence in Spanish y termino en espanol: toward a typology of code-switching. *Linguistics*. 1980;18(7–8):581–618. DOI: 10.1515/ling.1980.18.7-8.581.
45. Myers-Scotton C. Codeswitching as indexical of social negotiations. In: Heller M, editor. *Codeswitching: anthropological and sociolinguistic perspectives*. Berlin: Mouton de Gruyter Publisher; 1988. p. 151–186.
46. Heller M. Strategic ambiguity: codeswitching in the management of conflict. In: Heller M, editor. *Codeswitching: anthropological and sociolinguistic perspectives*. Berlin: Mouton de Gruyter Publisher; 1988. p. 77–96.
47. Gal S. The political economy of code choice. In: Heller M, editor. *Codeswitching: anthropological and sociolinguistic perspectives*. Berlin: Mouton de Gruyter Publisher; 1988. p. 245–264.
48. Cummins J. Bilingual education: basic principles. In: Dewaele JM, Housen A, Wei L, editors. *Bilingualism: beyond basic principles. Festschrift in honour of Hugo Baetens Beardsmore*. Clevedon: Multilingual Matters; 2003. p. 56–66.
49. Chen X, Padilla AM. Role of bilingualism and biculturalism as assets in positive psychology: conceptual dynamic GEAR Model. *Frontiers in Psychology* [Internet]. 2019 [cited 2022 July 26]. Available from: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC6798053/#>. DOI: 10.3389/fpsyg.2019.02122.
50. Dewaele JM, Chen X, Padilla AM, Lake J. The flowering of positive psychology in foreign language teaching and acquisition research. *Frontiers in Psychology* [Internet]. 2019 [cited 2022 July 26]. Available from: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/31607981/>. DOI: 10.3389/fpsyg.2019.02128.
51. Padilla AM, Chen X, Lake J. Editorial: positive psychology and learning a second or third language. *Frontiers in Psychology* [Internet]. 2020 [cited 2022 July 26]. Available from: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC7645028/>. DOI: 10.3389/fpsyg.2020.599326.
52. Парсонс Т. Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения. *Thesis*. 1993;2:94–122.
53. Бергер П, Лукман Т. *Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания*. Москва: Медиум; 1995. 323 с.
54. Щерба ЛВ. К вопросу о двуязычии. В: Щерба ЛВ. *Языковая система и речевая деятельность*. Ленинград: Наука; 1974. с. 313–318.
55. Bialystok E, Hakuta K. *In other words*. New York: Basic Books; 1994. 246 p.
56. Щерба ЛВ. О понятии смешения языков. В: Щерба ЛВ. *Языковая система и речевая деятельность*. Ленинград: Наука; 1974. с. 60–74.
57. Гумбольдт В. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества (1830–1835). В: Гумбольдт В. *Избранные труды по языкознанию*. Москва: Прогресс; 1984. с. 37–297.
58. Ломб К. *Как я изучаю языки. Заметки полиглота*. Москва: Манн, Иванов и Фербер; 2017. 240 с.

References

1. Baudouin de Courtenay IA. [On the mixed character of all languages]. In: Grigor'ev VP, Leont'ev AA, compilers. *Izbrannye trudy po obshchemu yazykoznaniiyu. Tom 1* [Selected works on general linguistics. Volume 1]. Moscow: Akademiya nauk SSSR; 1963. p. 362–372. Russian.
2. Ivanov VV. [Language contacts]. In: Yartseva VN, editor. *Lingvisticheskie entsiklopedicheskie slovar'* [Linguistic encyclopedic dictionary] [Internet; cited 2022 July 26]. Available from: <http://tapemark.narod.ru/les/237b.html>. Russian.
3. Thomason SG. *Language contact: an introduction*. Edinburgh: Edinburgh University Press; 2001. 320 p.
4. Weinreich U. *Language contacts. Status and research problems*. Blagoveshchensk: Blagoveshchensk' Humanitarian College named after I. A. Baudouin de Courtenay; 2000. 264 p. Russian.

5. Yartseva VN. [Theory of language interaction and the of U. Weinreich's work «Language contacts»]. In: Weinreich U. *Yazykovye kontakty: sostoyanie i problemy issledovaniya* [Language contacts: state and problems of research]. Blagoveshchensk: Blagoveshchensk' Humanitarian College named after I. A. Baudouin de Courtenay; 2000. p. 5–17. Russian.
6. Bagana Zh, Khapilina EV. *Kontaktnaya lingvistika. Vzaimodeistvie yazykov i bilingvizm* [Contact linguistics. Interaction of languages and bilingualism]. Moscow: Flinta; 2016. 126 p. Russian.
7. Winford D. *An introduction to contact linguistics*. Bodmin: MPG Books Publishing Ltd.; 2003. 440 p.
8. Weinreich U. [Monolingualism and multilingualism]. In: Rozentsveig VYu, editor. *Novoe v lingvistike. Vypusk 6. Yazykovye kontakty* [New in linguistics. Issue 6. Language contacts]. Moscow: Progress; 1972. p. 25–61. Russian.
9. Grosjean F. Bicultural bilinguals. *International Journal of Bilingualism*. 2015;19(5):572–586.
10. House J. What is an «intercultural speaker»? In: Alcón-Soler E, Safont JMP, editors. *Intercultural language use and language learning*. Dordrecht: Springer; 2007. p. 7–21.
11. Soffietti J. Bilingualism and biculturalism. *Journal of Educational Psychology*. 1955;46(4):222–227.
12. Haugen E. [Linguistic contact]. In: Rozentsveig VYu, editor. *Novoe v lingvistike. Vypusk 6. Yazykovye kontakty* [New in linguistics. Issue 6. Language contacts]. Moscow: Progress; 1972. p. 61–80. Russian.
13. Grosjean F. Living with two languages and two cultures. In: Parasniz I, editor. *Cultural and language diversity. Reflections on the deaf experience*. Cambridge: Cambridge University Press; 1996. p. 20–37.
14. Malazhaj GM, Bagdanovich Maksim Adamavich. In: Sachanka BI, Mihnevich AJa, editors. *Belaruskaja mova: jencyklapedyja* [Belarusian language: an encyclopedia]. Minsk: Belaruskaja jencyklapedyja; 1994. p. 65–67. Belarusian.
15. Bagdanovich MA. [In three years. Overview of Belarusian writing 1911–1913]. In: Bagdanovich MA. *Zbor tvoraw u dwuh tamah. Tom 2* [Collected works in 2 volumes. Volume 2]. Lyn'kow MC, Pshyrkow JuS, editors. Minsk: Navuka i tjehnika; 1968. p. 128–133. Belarusian.
16. Goffman I. *Analiz freimov: esse ob organizatsii povsednevnogo opyta* [Analysis of frames: an essay on the organisation of everyday experience]. Moscow: Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences; 2004. 752 p. Russian.
17. Edwards J. The importance of being bilingual. In: Dewaele JM, Housen A, Wei L, editors. *Bilingualism: beyond basic principles. Festschrift in honour of Hugo Baetens Beardsmore*. Clevedon: Multilingual Matters; 2003. p. 28–42.
18. Hamers JF, Blanc M. *Bilinguality and bilingualism*. Cambridge: Cambridge University Press; 1989. 477 p.
19. Becker K. Spanish/English bilingual code switching: a syncretic model. *Bilingual Review*. 1999;22(1):3–31.
20. Wokh FK. [The structure of society and the structure of language]. In: Chemodanov NS, editor. *Novoe v lingvistike. Vypusk 7. Sotsiolingvistika* [New in linguistics. Issue 7. Sociolinguistics]. Moscow: Progress; 1975. p. 382–396. Russian.
21. Gal S. Peasant men can't get wives: language change and sex roles in a bilingual community. *Language in Society*. 1978;7(1):1–16.
22. Alpatov VM. [As women and men say]. In: *Altaica-2008*. Moscow: Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences; 2008. p. 52–58. Russian.
23. Rose F. The interaction of genderlects with grammatical gender. In: *Book of abstracts of the 48th Annual meeting of the societas linguistica Europaea; 2015 September 2–5; Leiden, Zuid-Holland*. Leiden: Leiden University Centre for Linguistics; 2015. p. 133–134.
24. Igartua I. Feminine animacy in the Slavic languages. In: *Book of abstracts of the 48th Annual meeting of the societas linguistica Europaea; 2015 September 2–5; Leiden, Zuid-Holland*. Leiden: Leiden University Centre for Linguistics; 2015. p. 71.
25. Garbacki U. *Ab fjeminizacyi belaruskaj movy: fjeminizacyja nomina agentis i pjewnyh inshyh katjegyryj u suchasnej belaruskaj move* [On feminisation of the Belarusian language: feminisation of nomina agentis and certain other categories in the modern Belarusian language] [Internet]. 2012 [cited 2022 May 25]. Available from: <https://www.smashwords.com/extreader/read/251752/2/ab-feminizacyi-belaruskaj-movy-feminizacya-nomina-agentis-i->. Belarusian.
26. Gallois C, Ogay T, Giles H. Communication accomodation theory: a look back and a look ahead. In: Gudykunst WB, editor. *Theorizing about intercultural communication*. Thousand Oaks: SAGE Publications Inc.; 2005. p. 121–148.
27. Giles H. Communication accommodation theory. In: Reis HT, Sprecher S, editors. *Encyclopedia of human relationships. Volume 1*. Los Angeles: SAGE Publications Inc.; 2009. p. 265–267.
28. Giles H, Ogay T. Communication accommodation theory. In: Whaley BB, Samter W, editors. *Explaining communication: contemporary theories and exemplars*. Mahwan: Lawrence Erlbaum; 2007. p. 293–310.
29. Hewstone M, Giles H. Social groups and social stereotypes. In: Coupland N, Jaworski A, editors. *Sociolinguistics: a reader*. New York: St. Martin's Press; 1997. p. 270–283.
30. Gudykunst WB. *Bridging differences: effective intergroup communication*. Thousand Oaks: SAGE Publications Inc.; 2012. 448 p.
31. Mous M. *The making of a mixed language. The case of Ma'a/Mbugu*. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company; 2003. 322 p.
32. Abu-Lughod L, Lutz C. Introduction: emotions, discourse and the politics of everyday life. In: Lutz C, Abu-Lughod L, editors. *Language and the politics of motion*. Cambridge: Cambridge University Press; 1990. p. 1–23.
33. Resnik P. *Multilinguals' verbalisation and perception of emotions*. Bristol: Multilingual Matters; 2018. 298 p.
34. Grosjean F. The bilingual as a person. In: Titone R, editor. *On the bilingual person*. Toronto: Biblioteca di Quaderni d'italianistica; 1989. p. 35–54.
35. Bain B, Yu A. The development of the body percept among working- and middle-class unilinguals and bilinguals. In: Titone R, editor. *On the bilingual person*. Toronto: Biblioteca di Quaderni d'italianistica; 1989. p. 110–134.
36. Avrutin AYU. Two essences of being. From new verses [Internet; cited 2022 July 26]. Available from: <http://sozvuchie.by/poeziya/anatolij-avrutin-dve-sushchnosti-bytiya-iz-novykh-stikhov.html>. Russian.
37. Avrutin AYU. [Green edge... Aching words...]. In: Avrutin AYU. *Naedine s molchaniem: kniga poezii* [Alone with silence: a book of poetry]. Minsk: Mastackaja litaratura; 2007. 223 p. Russian.
38. Somin AA. [Linguistic reflection in modern Belarus through the prism of comments in online media]. *Vestnik Rossiiskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta. Seriya: Literaturovedenie. Yazykoznanie. Kul'turologiya*. 2015;1:62–86. Russian.

39. Mjachkowskaja NB. [Folk linguistics in the Belarusian Internet: metalinguistic reflection and linguistic self-determination]. In: Zaprudski SM, Cyhun GA, editors. *Novae slova w movaznawstve: matjeryjaly V Mizhnarodnaga kangrjesa belarusistaw «Novae slova w belarusistycy»; 20–21 maja 2010 g.; Minsk, Belarus* [New word in linguistics: materials of 5th International congress of Belarusianists «New word in Belarusian studies»; 2010 May 20–21; Minsk, Belarus]. Minsk: Chetyre chetverti; 2012. p. 260–272. Belarusian.
40. Erard M. *Fenomen poliglotov* [The polyglot phenomenon]. Moscow: Alpina Business Books; 2013. 384 p. Russian.
41. Zhu Hua. *Exploring intercultural communication: language in action*. London: Routledge; 2018. 304 p.
42. Clyne M. Towards a more language-centred approach to plurilingualism. In: Dewaele JM, Housen A, Wei L, editors. *Bilingualism: beyond basic principles. Festschrift in honour of Hugo Baetens Beardsmore*. Clevedon: Multilingual Matters Ltd.; 2003. p. 43–55.
43. Bulgarova BA, Bragina MA, Novoselova NV, Zolotykh EA. Classification and typology of bilingualism. *RUDN Journal of Language Education and Translingual Practices*. 2017;3:384–392. Russian.
44. Poplack S. Sometimes I'll start a sentence in Spanish y termino en espanol: toward a typology of code-switching. *Linguistics*. 1980;18(7–8):581–618. DOI: 10.1515/ling.1980.18.7-8.581.
45. Myers-Scotton C. Codeswitching as indexical of social negotiations. In: Heller M, editor. *Codeswitching: anthropological and sociolinguistic perspectives*. Berlin: Mouton de Gruyter Publisher; 1988. p. 151–186.
46. Heller M. Strategic ambiguity: codeswitching in the management of conflict. In: Heller M, editor. *Codeswitching: anthropological and sociolinguistic perspectives*. Berlin: Mouton de Gruyter Publisher; 1988. p. 77–96.
47. Gal S. The political economy of code choice. In: Heller M, editor. *Codeswitching: anthropological and sociolinguistic perspectives*. Berlin: Mouton de Gruyter Publisher; 1988. p. 245–264.
48. Cummins J. Bilingual education: basic principles. In: Dewaele JM, Housen A, Wei L, editors. *Bilingualism: beyond basic principles. Festschrift in honour of Hugo Baetens Beardsmore*. Clevedon: Multilingual Matters; 2003. p. 56–66.
49. Chen X, Padilla AM. Role of bilingualism and biculturalism as assets in positive psychology: conceptual dynamic GEAR Model. *Frontiers in Psychology* [Internet]. 2019 [cited 2022 July 26]. Available from: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC6798053/#>. DOI: 10.3389/fpsyg.2019.02122.
50. Dewaele JM, Chen X, Padilla AM, Lake J. The flowering of positive psychology in foreign language teaching and acquisition research. *Frontiers in Psychology* [Internet]. 2019 [cited 2022 July 26]. Available from: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/31607981/>. DOI: 10.3389/fpsyg.2019.02128.
51. Padilla AM, Chen X, Lake J. Editorial: positive psychology and learning a second or third language. *Frontiers in Psychology* [Internet]. 2020 [cited 2022 July 26]. Available from: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC7645028/>. DOI: 10.3389/fpsyg.2020.599326.
52. Parsons T. [The concept of society: components and their relationships]. *Thesis*. 1993;2:94–122. Russian.
53. Berger P, Luckmann T. *Sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti: traktat po sotsiologii znaniya* [The social construction of reality: a treatise in the sociology of knowledge]. Moscow: Medium; 1995. 323 p. Russian.
54. Shcherba LV. [On the issue of bilingualism]. In: Shcherba LV. *Yazykovaya sistema i rechevaya deyatel'nost'* [Language system and speech activity]. Leningrad: Nauka; 1974. p. 313–318. Russian.
55. Bialystok E, Hakuta K. *In other words*. New York: Basic Books; 1994. 246 p.
56. Shcherba LV. [On the concept of mixing languages]. In: Shcherba LV. *Yazykovaya sistema i rechevaya deyatel'nost'* [Language system and speech activity]. Leningrad: Nauka; 1974. p. 60–74. Russian.
57. Humboldt W. [About the difference in the structure of human languages and its influence on the spiritual development of mankind (1830–1835)]. In: Humboldt W. *Izbrannnye trudy po yazykoznaniyu* [Selected works on linguistics]. Moscow: Progress; 1984. p. 37–297. Russian.
58. Lomb K. *Kak ya izuchayu yazyki. Zametki poliglota* [How I study languages. Notes of a polyglot]. Moscow: Mann, Ivanov i Ferber; 2017. 240 p. Russian.

Статья поступила в редколлегию 27.07.2022.
Received by the editorial board 27.07.2022.